

С тех пор как Ханьский император нашел с ним общий язык, его настроение значительно улучшилось. Он с энтузиазмом посещал утренние собрания и с особым рвением занимался государственными делами, ведь знал, что каждую ночь красавец ждет его возвращения. Император запретил своим министрам обсуждать дела своего гарема, заявив, что если они продолжают болтать, он изгонит всех красавиц из гарема, включая императрицу. Великий наставник первым выразил несогласие — императрица была его дочерью, и он не мог допустить, чтобы её лишили титула. Втайне он ругал императора, называя его глупым правителем, но при этом каждый день на собраниях лебезил перед ним.

Император передал сына госпожи Жунхуа на воспитание императрице, а саму Жунхуа заточил под домашний арест. Забрав у неё сына, он довел её до состояния, близкого к безумию. Она дни и ночи напролет плакала во дворце, рискуя ослепнуть от слёз. Даже императрица, видя, как император жестоко обращается с Жунхуа, не могла оставаться равнодушной, но его искренняя любовь к красавцу вызывала у неё жалость. Не одобряя поступков императора, императрица решила посвятить себя молитвам и буддийским практикам, не вмешиваясь в дела братьев.

Красавец многого не знал и не хотел знать. Его брат теперь хорошо к нему относился, и он постепенно привык к жизни в Ханьском дворце. Когда брат оставался ночевать у других наложниц, красавец зажигал лампу и читал или шил одежду для сына.

Придворный врач часто навещал его, чтобы проверить пульс и поправить здоровье. Император говорил, что хочет завести с ним ребёнка.

Когда наконец в зале собраний и в гареме воцарился мир, император разрешил красавцу покинуть Западный дворец. Каждый день после собраний он сопровождал его в прогулках по императорскому саду, чтобы поднять настроение. В последнее время оба они были несчастны, и император хотел как-то возместить это.

Императрица, поддерживаемая служанками, медленно шла по императорскому саду и, пройдя по тропинке, увидела императора и красавца, сидящих в беседке. Император очищал лунъянь, привезённый из южного округа, и с улыбкой кормил красавца, уговаривая съесть побольше. За последнее время красавец снова поправился благодаря императору, и его живот, одетый в белоснежный шёлк, стал округлым. Император прижался головой к его животу и вздохнул:

— Почему ты ещё не забеременел?

Красавец шлёпнул его по голове и надул губы:

— Как это может произойти так быстро?

Оба они хотели ребёнка. Красавец давно мечтал родить для брата, и хотя они пережили некоторые трудности, он всё ещё был готов это сделать. Император, поглаживая округлившийся живот красавца, с улыбкой произнёс:

— Незнающий человек подумает, что это Жун'эр вынашивает ребёнка для брата, а на самом деле это мой Жун'эр просто хорошо поел.

Красавец широко раскрыл глаза и с недовольством сказал:

— Ты считаешь меня толстым.

Это был результат заботы брата. Еда в Ханьском дворце была намного вкуснее, чем в степи, и

он, радуясь, не мог удержаться от переедания. Теперь он стал пухленьким. Император поцеловал его в губы и сказал:

— Кто сказал, что я считаю тебя толстым? Даже если ты станешь ещё больше, я не буду против.

Красавец ответил:

— Ты говоришь одно, а думаешь другое.

Император рассмеялся и протянул ему финики, привезённые с запада, но красавец отказался, сказав, что уже сыт. Он даже не стал ужинать, утверждая, что не голоден. Император, понимая его, ничего не сказал и сам почти не поел, чтобы поддержать его. Ночью красавец ворочался, не мог уснуть, а его живот урчал от голода. Брат же спал крепко, устав после долгого дня, проведённого за чтением докладов.

Не желая беспокоить брата, красавец тихо встал. Слуга шёпотом спросил, что ему нужно. Красавец, покраснев, признался, что хочет поесть. Слуга улыбнулся и сразу же распорядился приготовить еду. Вскоре ему принесли горячий мясной суп. Поев, красавец наконец насытился и сел за стол, чтобы почистить гранат. Его брат, незаметно подойдя сзади, взял у него гранат и сказал:

— Маленький обжора.

Красавец, пойманный на месте преступления, смутился и покраснел:

— Я съел совсем немного.

Император очистил гранат и, вынимая зёрна золотой ложкой, кормил его, шутя:

— Гранат символизирует многочисленное потомство. Жун'эр, съев гранат, подарит мне много детей.

Красавец покраснел, но, жуя сладкие зёрна, чувствовал себя счастливым. Закончив с гранатом, император обнял его и уложил спать. Перед сном они снова занялись любовью, и слуга, слыша страстные стоны из спальни, улыбнулся про себя:

— У императора действительно много сил.

В постели красавец, обнимая свои колени, смотрел на брата, который сидел на нём, и стонал:

— У-у... брат... брат...

Император, одетый только в нижнюю рубашку, удобно сидел на нём и, тяжело дыша, спросил:

— Тебе хорошо, Жун'эр?

Красавец кивнул, чувствуя, как его тело, ставшее особенно чувствительным из-за частых занятий любовью, реагирует на каждое прикосновение. Он взял палец брата в рот, облизывая его, пока император, играя с его языком, продолжал его трахать. Пенис красавца слегка подрагивал, а его пальцы скользили по бедрам брата, ревнуя:

— Брат вчера был у императрицы, у-у-у...

Император ответил:

— Я ничего не делал.

— Ты спал с ней, у-у-у...

— Нет, Жун'эр, я не спал.

Император лизнул его губы и с нежностью сказал:

— Моё сердце принадлежит только тебе, разве ты ещё не понял?

— Ты говоришь одно, а думаешь другое.

Император мягко засмеялся, продолжая его трахать и разговаривать:

— Где же я говорю одно, а думаю другое? Разве ты не знаешь, как сильно я тебя люблю?

Красавец сердито фыркнул, а император, восхищённо глядя на него, произнёс:

— Жун'эр, я люблю тебя, я не могу без тебя, я хочу дать тебе всё самое лучшее.

Красавец, чувствуя себя счастливым, обнял его за шею и страстно поцеловал. Хотя они уже не были такими, как в детстве, их сердца по-прежнему были связаны. Эта связь, возникшая ещё в детстве, не могла быть разрушена годами разлуки. Красавец, обнимая брата, слушал его тяжёлое дыхание. Ему нравился этот звук, нравилось чувствовать его горячее дыхание. Он, как самая нежная и понимающая наложница, ласкал его и служил ему своим телом. Император усадил его на себя, и в спальне, видя его белый, слегка округлившийся живот, похожий на беременный, он радостно воскликнул:

— Скоро ты забеременеешь, я каждый день стараюсь.

Красавец, запрокинув голову, слушая его слова, как будто это была официальная речь, потрогал его подбородок и подшутил:

— Ты так долго стараешься, но я всё ещё не беременна. Может, ты не способен?

Император повалил его на спину и сердито сказал:

— Ты смеешь говорить, что я не способен?

Он начал щекотать его, и красавец, смеясь, умолял:

— Брат, пощади, пощади, ха-ха...

Император, желая доказать свою «способность», всю ночь занимался с ним любовью, рискуя истощить себя. На следующее утро он зевал на собрании и, быстро закончив его, ушёл в кабинет, чтобы поспать. Вечером он специально поел побольше, чтобы хватило сил на своего брата.

Красавец снова начал использовать нефритовый дилдо. Император, используя нагретый нефритовый дилдо, задерживал внутри свою сперму, утверждая, что это увеличит шансы на беременность. Оба они очень старались завести ребёнка, пробуя различные снадобья. Император тоже их принимал, и, возможно, из-за переизбытка, каждую ночь он тяжело дышал,

чувствуя жар, и мог успокоиться только, трахая своего любимого брата.

Красавец снова стал очень привязанным к нему. Иногда император оставался ночевать у других наложниц для видимости, но, возвращаясь, всегда слышал от слуг, что госпожа Чжаои горько плакала прошлой ночью. Император, чувствуя и радость, и горечь, старался как можно больше баловать его и проводить с ним время. Его милый и привязчивый брат вернулся, и он сам должен был стать преданным и ответственным мужем.

Император снова стал много говорить. Каждую ночь, кроме занятий любовью, он произносил множество сентиментальных фраз, желая порадовать его, как драгоценность, которую он хотел сохранить счастливой.

Он старался устранить всё, что могло помешать их отношениям, выполняя свои обязанности как императора и как мужа.

Служанки императрицы часто завидовали отношениям императора и красавца, с кислым выражением лица говорили:

— Император действительно обожает госпожу Чжаои. Это не просто любовь к красавице, а искренняя привязанность.

Императрица, занимаясь каллиграфией, вздохнула:

— Детская дружба, чистая и искренняя, самая настоящая.

Но к другим она была безжалостна.

Одной ночью, когда император обнимал красавца во сне, тому приснилось, что он гуляет по императорскому саду. На грушевых деревьях висели пухлые груши, и одна из них, покачиваясь, упала ему в руки. Красавец радостно поймал её, но, открыв глаза, увидел, что пухлая груша превратилась в пухлого малыша, который смотрел на него и улыбался.

<http://bllate.org/book/16253/1462056>